

10. Полещенко Д.А. Основные юридические концепции соотношения и взаимодействия государственной власти и местного самоуправления, разрабатываемые в Российской Империи (1864–1917 гг.) // Политика и общество. 2010. № 6.

11. Щедрина Ю.В. Несменяемость судей в России во второй половине 60-х – конце 80-х гг. XIX в.: законодательное закрепление и практика реализации // Право и политика. 2012. № 9.

12. Она же. Обеспечение независимости судей специальных (сословных) судов в России в 60-е – 80-е гг. XIX в.: проблемы правового регулирования (на примере духовного суда) // Политика и общество. 2012. № 11.

13. Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1980.

14. Марышкин А.В. Судебная реформа 1864 года и особенности ее проведения на территории Белоруссии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М., 1985.

15. Шелкопляс В.А. Карательный аппарат России во второй половине XIX века : учеб. пособие. Минск, 1994.

16. Шаўкапляс В.А. Палітычны рэжым у Беларусі ў 60-я гг. XIX ст. // Arche. 2010. № 12.

17. Гушчынскі І.Г. Роля судовых устаноў у палітычным жыцці і сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі (1864–1914 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / БДПУ імя М. Танка. Минск, 2011.

18. Кони А.Ф. Избр. произведения. 2-е изд., доп. Т. 2. Воспоминания. М., 1959.

19. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2000.

20. Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М., 2001.

21. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1999.

22. Свод законов Российской империи / под ред. А.А. Добровольского. 2-е изд. Т. 14. СПб., 1913.

23. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9.

24. Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958.

25. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1965.

26. Меньшиков Л. Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Ч. 1. Годы реакции, 1885–1898. М., 1925.

27. Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.

28. Геллер М. История Российской империи. Т. 3. М., 1997.

29. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. М., 1970.

30. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II Т. 1. Берлин, 1922.

31. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1989.

32. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.

33. Бовин А. Примирение и покаяние // Известия. 1998. 11 июля.

34. Гернет М.Н. Смертная казнь. М., 1913.

35. История полиции России / под ред. В.М. Курицына. М., 1998.

36. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX в. – начало XX в.). Н. Новгород, 1993.

37. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 5. М., 1968.

38. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.

40. Чубинский М.П. Закон и действительность в Советской России. Белград, 1926.

УДК 34(470)(09)

А.А. Козел

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 г.

Право, как известно, является отражением жизнедеятельности народа – хозяйственной, политической, культурно-цивилизационной. Вместе с тем само право – действенный инструмент экономических, политических и культурных изменений любого государства. Как свидетельствует история, не является исключением и Россия, вставшая в 60-х гг. XIX в. на путь реформ, которые вошли в историю как Великие реформы.

Что же детерминировало Россию на реформирование своего жизненного уклада? Эти предпосылки можно разделить на внешние и внутренние.

В качестве внешней следует выделить необходимость восстановления утраченного Россией престижа на международной арене после Крымской войны [1, с. 25–26].

Что касается внутренних причин, то их был целый спектр. Несмотря на быстрый рост промышленности, торговли, развитие просвещения и образования в России в годы правления Николая I, государственный механизм и охраняемое им социально-политическое и экономическое устройство страны все очевиднее становились сдерживающим фактором развития. Так, сохранилась сословность в образовании, кроме того, в 1845 г. повысилась плата за обучение в гимназиях. В результате крестьяне, самый многочисленный класс в России, могли рассчитывать разве что на начальное образование. Следуя установке Николая I «мне нужны не умные, а послушные», государство осуществляло жесткий контроль за образованием, сокращались учебные программы университетов, из которых, например, исчезла философия, чему воспротивился и был отправлен в отставку известный своим здоровым консерватизмом министр

просвещения С.С. Уваров. Его преемник, П.А. Ширинский-Шахматов, отреагировал на изъятие философии из учебного процесса своим знаменитым изречением: «Полезно не доказано, вред очевиден».

Цензурная политика в области печати привела к появлению либеральной (А.Д. Кавелин, А.И. Кошелев, Б.Н. Чичерин) и социалистической (А.И. Герцен) рукописной литературы. Помимо критики в этих изданиях содержались конкретные предложения по реформированию России. Это внутреннее раскрепощение русских людей, как полагают некоторые исследователи, и стало предпосылкой реформ.

Вместе с тем одним из главных, а может быть и главным вопросом в России середины XIX в., оставался крестьянский вопрос. Несмотря на то что при Николае I был принят ряд законов по защите крестьян (помещикам запрещалось продавать крестьян без земли и с раздроблением семьи, дарить их и расплачиваться ими свои за долги, ссылать в Сибирь по своему усмотрению и отдавать их в горнозаводские работы), 23 млн крестьян были личной собственностью 100 тыс. помещиков [2, с. 23].

Николай I, понимая несправедливость крестьянского вопроса и боясь одновременно 100-тысячной армии помещиков, решал его в строгой тайне – за годы своего царствования он создал девять секретных комитетов, обсуждавших положение крестьян. Император видел две опасности – дворянскую и крестьянскую. И дворянский мятеж, и крестьянский бунт были одинаково опасны для государства. Революционные события в Европе в 1848 г. только укрепили его во мнении о необходимости в стране прежде всего поддержания порядка и стабильности и соблюдения постепенности в реформах.

После смерти Николая I в 1855 г. на престол вступил его сын, Александр II. Переживая неудачи российской армии в Крымской войне, он решил провести в первую очередь военные реформы, которые невозможно было реализовать без существенных преобразований в экономике, образовании, но главным препятствием было крепостное право. Александр II 1 января 1857 г. утвердил новый Секретный комитет по крестьянскому делу. Уже 3 января члены Секретного комитета собрались на заседание, где император заявил о насущной необходимости освобождения крепостных крестьян. Несмотря на противодействие своего окружения и абсолютного большинства помещиков, 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест, Общее положение о крестьянах, освобожденных от крепостничества, а также 16 законодательных актов, регламентирующих условия освобождения крестьян в зависимости от губернии. 23 млн крестьян стали свободными: они могли свободно вступать в брак, иметь движимое и недвижимое имущество, заниматься торговлей, переходить в другое сословие, менять место жительства и поступать на военную службу.

Земельный вопрос разрешался следующим образом. Крестьянину полагался земельный надел, которым он пользовался, будучи крепостным. Размер надела мог определяться по согласованию с помещиком или по положению. За эти наделы государство платило помещикам 80 % стоимости земли, 20 % должны были выплатить крестьяне в течение 49 лет под 6 % годовых. В собственности помещиков оставались леса, выгоны для скота, водопои, за которые крестьяне должны были платить помещикам дополнительную плату. Был определен двухлетний период перехода на новые условия, что в ряде губерний вызвало крестьянские волнения.

За земельной реформой последовали земская, городская, в сфере образования. Всесословный принцип среднего образования дал возможность и крестьянским детям, хотя и в ограниченном количестве, получать образование, позволявшее продолжать обучение в университетах. Сами университеты, а их в России было шесть, после утверждения Александром II 18 июня 1863 г. Университетского устава получили большую автономию.

Новые общественные отношения, формировавшиеся в ходе реформ, требовали соответствующего правового оформления. Кроме того, существовавшая судебная система имела целый ряд недостатков. Наиболее значительные из них – многочисленность инстанций, преобладание канцелярщины, негласность и инквизиционный порядок [3, с. 36].

Судебная реформа велась публично, в печати обнародывались проекты, на которые приходили отзывы и предложения. Всю организационную и содержательную работу возглавляли граф Д.Н. Блудов и секретарь департамента законов Государственного совета С.И. Зарудный. С 1857 по 1862 г. в Государственный совет было внесено 14 проектов уставов.

Следует отметить, что для ускорения работы по подготовке судебной реформы был изменен установившийся порядок делопроизводства в Государственном совете. Так, были соединены департаменты законов и гражданских дел, а Государственная канцелярия пополнилась опытными юристами. Это позволило к концу 1863 г. проработать основные законопроекты с подробными историческими и пояснительными записками, а в первой половине 1864 г. рассмотреть их в Государственном совете. Они были утверждены Александром II 20 ноября 1864 г. под названием «Судебные уставы». Император сказал, что наконец русскому народу дан «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных». Судебные уставы состояли из четырех разделов: Учреждения судебных установлений; Устава гражданского судопроизводства; Устава уголовного судопроизводства; Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

С принятием судебных уставов судопроизводство в России строилось на новых принципах: отделения судебной власти от административной, бессловности суда, равенства всех перед законом, гласности и состязательности, профессиональной подготовке судебных работников, несменяемости судей и следователей, выборности присяжных заседателей и мировых судов. Новая судебная система вводилась постепенно и завершилась к 1 июля 1899 г. Как полагали активные деятели судебной реформы, тем самым в России была возвышена судебная область и обретено уважение к закону [4, с. 3].

Реакция на судебную реформу была неоднозначной. Революционно-демократический лагерь (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, В.Г. Белинский) отнесся к ней скептически, полагая, что без слома царизма невозможно реформировать судебную систему. Консервативно-охранительное направление (М.Н. Катков) сначала приветствовало принятие судебных уставов, затем увидело в реформе угрозу самим устоям общественной и государственной жизни России. Либералы (Б.Н. Чичерин) после оправдания судом В. Засулич также выступили с критикой судебных уставов.

Советская историография проведение судебной реформы второй половины XIX в. оценивала отрицательно, характеризуя ее как антинародную, и ставила перед собой задачу «воссоздания подлинной истории судебной реформы, развенчания буржуазно-либеральной империалистической идеализации судебных уставов» [3, с. 35].

И только юридическая общественность (В.А. Арцимович, С.И. Зарудный, М.Я. Ковалевский, Д.А. Ровинский, В.Д. Спасович, Н.И. Стояновский, М.Я. Фойницкий) встретила принятие судебных уставов с воодушевлением. Примечательно, что среди них и выходцы из белорусских губерний – В.Д. Спасович, Н.И. Стояновский, М.Я. Фойницкий.

Судебная реформа завершила Великие реформы в России 1856–1874 гг., которые явились убедительным примером успешности революции сверху. Уже к началу XX в. Россия стремительно догоняла Германию, Францию, США по промышленному производству, росла численность населения, русская литература и искусство приобрели мировую известность.

В начале XXI в. все очевиднее становится масштабность и продуманность реформирования всех сфер русского бытия во второй половине XIX в.

1. Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России, 1861–1874 (к вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России, 1856–1874 : сб. ст. / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.

2. Яковлев А.И. Великие реформы в России, 1860–1870-е годы. М., 2010.

3. Фойницкий М.Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1912.

4. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М., 1891.

УДК 34(09)

В.И. Павлов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ И ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ РЕФОРМ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ПРАВОВОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ 1860-х гг.)

Введение. Общие контуры методологии историко-правового исследования. Очень часто историко-правовая традиция при анализе и оценке того или иного государственно-правового образования исходит из некоторых очевидностей, которые принимаются за правовые аксиомы независимо от того, рефлексировать либо не рефлексировать сам исследователь – историк права данное положение. Неклассическая историческая традиция, а также постклассический методологический анализ уже признали и доказали, что историко-правовое исследование всегда должно основываться на так называемой двойной либо тройной рефлексии: 1) на погружении в историко-правовой контекст исследуемой эпохи с позиции воспроизведения (реконструкции) характеристик дискурсивной формации прошлого, в нашем случае – политико-правовой модели; 2) на саморефлексии исследователя с позиции осознания условностей и исторических ограничений того языка и дискурса, которым оперирует сам исследователь, в том числе на знании альтернативных и современных исследователю политико-правовых моделей и той из них, которой он сам придерживается; 3) наконец, на наложении второго положения на первое, т. е. на «диалог» исследователя с той или иной исторической эпохой.

Нередко случается так, что современная методология познания просто игнорируется в историко-правовом анализе, а вместо нее исследователь «продвигает» собственное понимание историко-правовой реконструкции, что, в собственном смысле слова, является уже моментом идеологическим. Однако мировоззренческое позиционирование для исследователя – дело вполне нормальное, но при том условии, что такое позиционирование принимается за субъектную позицию в условиях признания альтернативных позиций. В случае же, когда историк права изначально вне всякой рефлексии осуществляет анализ того или иного